

Другая жизнь

«Главное для меня — не сойти с ума»

Валерия ВАЛЬЦОВА,
Лидия КРЫМОВА

— Большинство ваших коллег, Буба, уже давно осели в Москве.

— Вовсе нет! Например, группа «Чайф» живет в Екатеринбурге.

— Но ведь здесь же центр российского шоу-бизнеса. Почему же вы никак не хотите покинуть Екатеринбург?

— Нам очень удобно приезжать сюда в гости. Остается свежесть ощущений. Радует город, общаешься с друзьями. Все время в гостях и никому не надоедаешь. Опять же, когда возвращаешься домой, тоже ощущение свежести. Двойная стимуляция. Может быть, когда-нибудь мы переберемся в Москву. Но пока не хочется. Можно сказать, что это средство защиты от нашего шоу-бизнеса.

— Неужели он на вас так разлагающе действует?

— Практика показывает, что может разложить.

— Самое страшное для настоящего рокера — превратиться в попсу?

— Да нет. Какая разница попой или нет. С ума главное не сойти.

— А у вас не было чувства, что сходишь с ума, когда слава на вас вдруг свалилась?

— Слава приходила к нам плавно и не было такого момента, когда я почувствовал — о, я звезда. Постепенно все больше стало людей приходить на концерты, и они все громче и громче нам подпевали.

— Вы ведь стали известны после фильма «Брат-2»?

— Да. И это единственное чудо, которое произошло в нашей жизни.

— Это случилось всего четыре года назад. А вашей группе уже почти 15 лет. Тяжело переживали неизвестность?

— Ну какая-то популярность в Екатеринбурге у нас была. Мы же не просто сидели на месте: мы записывали альбомы, репетировали, играли концерты, учились. Это все пошло нам на пользу.

— За годы существования группы часто ли менялся ее состав?

— Костяк начал собираться в 1994 году. С этого времени только два раза произошли изменения в составе: когда Саша Бурый ушел в «Чичерину» 5 лет назад и когда Саша Бурый вернулся к нам в этом году.

— За эти долгие годы не было желания бросить музыку?

— Очень много хороших групп не дожили до своего звездного часа, потому что им не хватило выдержки, стремления к цели. Многие занялись журналистикой, бизнесом. А музыка — такая вещь, которая никогда не отпускает, и спустя годы она, как заноза, начинает еще больше зудить. И людям становится очень тяжело. И богач, который в душе музыкант, я уверен, завидует любой, самой замухрыжатой группе.

— В названии «Смысловые галлюцинации» чувствуется какая-то мистификация.

— «Смысловые галлюцинации» означает, что ни на одну ситуацию не надо смотреть однозначно, потому что каждый поступок может быть расценен по-разному. У меня есть любимый анекдот. Встречаются трагик и комик. Их не пригласили на банкет по поводу 50-летия театра.

Трагик вздыхает: «Не пригласили. Не помнят...» А комик счастлив: «Не пригласили. Помнят!»

— А вы по жизни трагик или комик?

— Это зависит от моего физического состояния на данный момент. После тяжелых концертов или долгих поездок усталость настолько велика, что на сцену тяжело выходить. Хочется лечь и заплакать. Но все же выходишь. Куда деваться. А когда ты выспался, пришел на хорошую площадку, где тебя встречает прекрасная публика, то все кажется наоборот, и самые грустные песни не кажутся грустными.

— Какая же у вас самая грустная песня?

— М-м-м. Проще сказать, какая самая веселая.

— ?!

— А никакая! — смеется Буба.

— Казалось бы, люди слушают музыку, чтобы развлекаться.

— Ну не только. На Руси всегда любили выпить и затянуть какую-нибудь грустную песню. С нами, наверное, то же самое происходит. Когда у людей на душе тяжело и неоткуда ждать помощи, остается только встать и спеть «Смысловых галлюцинаций» и понять, что не одному тебе плохо. Нам может быть гораздо хуже.

— На ваших концертах зрители плачут?

— Иногда плачут, иногда не плачут. Всяко бывает.

— Вообще фанаты — это благо для вас или тяжкий труд?

— У нас есть удивительные, очень деятельные фанаты. Они организовали наш фан-клуб. Вообще же большинство людей, приходящих на концерты, в принци-

На Руси всегда любили выпить и затянуть какую-нибудь грустную песню. С нами, наверное, то же самое происходит. Когда у людей на душе тяжело и неоткуда ждать помощи, остается только встать и спеть «Смысловых галлюцинаций» и понять, что не одному тебе плохо. Нам может быть гораздо хуже.

пе фанатами не являются. Бывают очень веселые моменты, когда уже не хватает времени на разлачу автографов, и мы садимся в автобус, а зрители сопровождают нас матом и показыванием фактов, хотя только что те же люди кричали о своей любви к нам. Хотя в принципе наши слушатели мне кажутся немножко более сдержанными, чем у других команд.

— Что же вас, екатеринбургских рокеров, заставило участвовать в попсовом «Золотом грамфоне»?

— Мы не ставили себе цель получать «Золотые граммофоны». Получилось все довольно странно. Песня «Разум когда-нибудь победит» казалась нам очень тяжелой, но она долгое время занимала первые места на «Русском радио». Поэтому нас и наградили «Граммфоном».

— То есть вы ни копейки не заплатили за свое участие там?

— Нам это даже в голову не приходило!

— Вам жалко каких-то ваших песен, которые незаслуженно прозябают в неизвестности?

— Всегда так получается, что на поверхности оказываются песни, наиболее легкие, удобоваримые для среднестатистического слушателя. А настоящее творчество любой профессиональной группы закладывается в альбомы. Поэтому у людей, которые просто слушают радио и смотрят телевизор, складывается обманчивое впечатление о творчестве нашей команды. Им кажется, что группа «Смысловые галлюцинации» такая и есть на самом деле. «Зачем топтать мою любовь»...

— Ну а в армии-то служили?

— Не довелось. Просто по разгильдяйству. Я на самом деле готовился поступать в

«Выстрелившей» после кинохита «Брат-2» екатеринбургской группе «Смысловые галлюцинации» не стоило большого труда убедить своего многочисленного слушателя оставаться «вечно молодым, вечно пьяным».

И риторический вопрос «Зачем топтать мою любовь?» не остался в сердцах поклонников без ответа. И несмотря на то что у солиста группы Сергея Бобунца (по прозвищу Буба) не получается смотреть на мир сквозь розовые очки, молодежь и, в частности, экзальтированная московская публика его песни любит.

Сам же Буба держится в стороне от столичного шоу-бизнеса, предпочитая московскому веселью уральские просторы.

Мы встретились с лидером «Смысловых галлюцинаций» в гостинице «Мосфильмовская», где ребята предпочитают останавливаться во время своих нечастых выездов в столицу

только поехали. Ох, и тяжело с непривычки! Сейчас уже даже родные привыкли, что мы всегда в отъезде. Если я чуть задержусь дома, то сын меня тут же спрашивает: «Ты что, папа, в Москву не уезжаешь?».

Это он из своих соображений — я же ему подарки привожу.

— Где лучше всего пишутся песни?

— В поездках. За последние несколько лет это единственное место, где мы творим.

— А в самолетах?

— В самолетах сложнее. Но в принципе какие-то заготовки могут родиться везде: на улице, дома, в самолете. Достаточно одной фразы. Песня всегда строится из одного образа, а дальше уже дело техники.

— Какой же образ вас зацепил последним?

— Образ хорошего друга из Краснодара, по которому мы все очень скучаем. Песня о том, что люди зачастую не могут решиться на какие-то элементарные вещи, типа сесть на самолет и прилететь куда-то. Достаточно трагичная получается.

— Вас уже не раз упрекали в излишнем пессимизме.

— Мы каждый раз ставим перед собой задачу написать позитивную песню, но у нас это никак не получается.

— И все-таки сложно ли быть знаменитостью?

— Сейчас пришло время цитаты из интервью группы «Дип Перпл»: «Я знаю очень мало журналистов, которые понимают, что происходит с человеком после того, как он превращается из обычного человека в знаменитость».

— Так что же с ним происходит?

— С ним ничего не происходит! Разве что увеличивается чувство ответственности. Нужно понимать, что за каждую фразу ты отвечаешь головой. Гротеск — дело великое, но кто-то может не понять юмора.

— Особенно если учесть, что большинство ваших поклонников — подростки.

— До появления песни «Зачем топтать мою любовь» по статистике 90 процентов наших слушателей были мужчины. После ее выхода на концертах можно увидеть и 14-летних девочек, и 40-летних мужчин.

— И все же ваша самая известная песня «Вечно молодой, вечно пьяный»?

— Виктор Сухоруков хорошо сказал по ее поводу, и я с ним полностью согласен: «Я вечно пьяный от жизни. Как только меня перестанет это увлекать — значит наступила старость».

— Самый тяжелый период был лишь в начале, когда

Суворовское училище. Но моя жизнь слишком радикально изменилась.

— Чем вам так нравилась профессия военных?

— Хотел защищать Родину. У меня ведь отец был военным. В детстве я постоянно околачивался в отцовской части. Видел бы солдат, ездил на учения. Конечно, с точки зрения ребенка, жизнь военных казалась мне привлекательной. И опять же солдат каждую неделю возили в кинотеатр на патристические фильмы. Я ездил с ними постоянно. Таким образом тоже попал под работу замполитов.

— Вам какие-то их идеи в голову запали?

— Их — вряд ли. Но мы до сих пор в минуты слабости смотрим «Служебный роман» и «Любовь и голуби». Наши любимые фильмы. Особенно когда приезжаем домой.

— Сложно привыкнуть к тому, что вся жизнь на колесах?

— Ну естественно. Получилось так, что мое поколение застало две эпохи. Успели пожить и в СССР, и в России. Я хорошо помню времена, когда мы были пионерами. И также хорошо помню момент, когда мы стали разгильдяями. В школе я состоял в свердловском отряде «Каравелла» — был такой юнкоровский отряд при журнале «Пионер». Я был, можно сказать, в элите пионерии. Но после восьмого класса, как только услышал рок-музыку, мне сразу стало не нужно ни военной карьеры, ни комсомола, ничего...

— Ну а в армии-то служили?

— Не довелось. Просто по разгильдяйству. Я на самом деле готовился поступать в

Суворовское училище. Но моя жизнь слишком радикально изменилась.

— Чем вам так нравилась профессия военных?

— Хотел защищать Родину. У меня ведь отец был военным. В детстве я постоянно околачивался в отцовской части. Видел бы солдат, ездил на учения. Конечно, с точки зрения ребенка, жизнь военных казалась мне привлекательной. И опять же солдат каждую неделю возили в кинотеатр на патристические фильмы. Я ездил с ними постоянно. Таким образом тоже попал под работу замполитов.

— Вам какие-то их идеи в голову запали?

— Их — вряд ли. Но мы до сих пор в минуты слабости смотрим «Служебный роман» и «Любовь и голуби». Наши любимые фильмы. Особенно когда приезжаем домой.

— Сложно привыкнуть к тому, что вся жизнь на колесах?

— Ну естественно. Получилось так, что мое поколение застало две эпохи. Успели пожить и в СССР, и в России. Я хорошо помню времена, когда мы были пионерами. И также хорошо помню момент, когда мы стали разгильдяями. В школе я состоял в свердловском отряде «Каравелла» — был такой юнкоровский отряд при журнале «Пионер». Я был, можно сказать, в элите пионерии. Но после восьмого класса, как только услышал рок-музыку, мне сразу стало не нужно ни военной карьеры, ни комсомола, ничего...

— Ну а в армии-то служили?

— Не довелось. Просто по разгильдяйству. Я на самом деле готовился поступать в

Суворовское училище. Но моя жизнь слишком радикально изменилась.

— Чем вам так нравилась профессия военных?

— Хотел защищать Родину. У меня ведь отец был военным. В детстве я постоянно околачивался в отцовской части. Видел бы солдат, ездил на учения. Конечно, с точки зрения ребенка, жизнь военных казалась мне привлекательной. И опять же солдат каждую неделю возили в кинотеатр на патристические фильмы. Я ездил с ними постоянно. Таким образом тоже попал под работу замполитов.

— Вам какие-то их идеи в голову запали?

— Их — вряд ли. Но мы до сих пор в минуты слабости смотрим «Служебный роман» и «Любовь и голуби». Наши любимые фильмы. Особенно когда приезжаем домой.

— Сложно привыкнуть к тому, что вся жизнь на колесах?

— Ну естественно. Получилось так, что мое поколение застало две эпохи. Успели пожить и в СССР, и в России. Я хорошо помню времена, когда мы были пионерами. И также хорошо помню момент, когда мы стали разгильдяями. В школе я состоял в свердловском отряде «Каравелла» — был такой юнкоровский отряд при журнале «Пионер». Я был, можно сказать, в элите пионерии. Но после восьмого класса, как только услышал рок-музыку, мне сразу стало не нужно ни военной карьеры, ни комсомола, ничего...

— Ну а в армии-то служили?

— Не довелось. Просто по разгильдяйству. Я на самом деле готовился поступать в

Суворовское училище. Но моя жизнь слишком радикально изменилась.

— Чем вам так нравилась профессия военных?

— Хотел защищать Родину. У меня ведь отец был военным. В детстве я постоянно околачивался в отцовской части. Видел бы солдат, ездил на учения. Конечно, с точки зрения ребенка, жизнь военных казалась мне привлекательной. И опять же солдат каждую неделю возили в кинотеатр на патристические фильмы. Я ездил с ними постоянно. Таким образом тоже попал под работу замполитов.

— Вам какие-то их идеи в голову запали?

— Их — вряд ли. Но мы до сих пор в минуты слабости смотрим «Служебный роман» и «Любовь и голуби». Наши любимые фильмы. Особенно когда приезжаем домой.

— Сложно привыкнуть к тому, что вся жизнь на колесах?

— Ну естественно. Получилось так, что мое поколение застало две эпохи. Успели пожить и в СССР, и в России. Я хорошо помню времена, когда мы были пионерами. И также хорошо помню момент, когда мы стали разгильдяями. В школе я состоял в свердловском отряде «Каравелла» — был такой юнкоровский отряд при журнале «Пионер». Я был, можно сказать, в элите пионерии. Но после восьмого класса, как только услышал рок-музыку, мне сразу стало не нужно ни военной карьеры, ни комсомола, ничего...

— Ну а в армии-то служили?

— Не довелось. Просто по разгильдяйству. Я на самом деле готовился поступать в

Суворовское училище. Но моя жизнь слишком радикально изменилась.

— Чем вам так нравилась профессия военных?

— Хотел защищать Родину. У меня ведь отец был военным. В детстве я постоянно околачивался в отцовской части. Видел бы солдат, ездил на учения. Конечно, с точки зрения ребенка, жизнь военных казалась мне привлекательной. И опять же солдат каждую неделю возили в кинотеатр на патристические фильмы. Я ездил с ними постоянно. Таким образом тоже попал под работу замполитов.

— Вам какие-то их идеи в голову запали?

— Их — вряд ли. Но мы до сих пор в минуты слабости смотрим «Служебный роман» и «Любовь и голуби». Наши любимые фильмы. Особенно когда приезжаем домой.

— Сложно привыкнуть к тому, что вся жизнь на колесах?

— Ну естественно. Получилось так, что мое поколение застало две эпохи. Успели пожить и в СССР, и в России. Я хорошо помню времена, когда мы были пионерами. И также хорошо помню момент, когда мы стали разгильдяями. В школе я состоял в свердловском отряде «Каравелла» — был такой юнкоровский отряд при журнале «Пионер». Я был, можно сказать, в элите пионерии. Но после восьмого класса, как только услышал рок-музыку, мне сразу стало не нужно ни военной карьеры, ни комсомола, ничего...

— Ну а в армии-то служили?

— Не довелось. Просто по разгильдяйству. Я на самом деле готовился поступать в

Суворовское училище. Но моя жизнь слишком радикально изменилась.

— Чем вам так нравилась профессия военных?

— Хотел защищать Родину. У меня ведь отец был военным. В детстве я постоянно околачивался в отцовской части. Видел бы солдат, ездил на учения. Конечно, с точки зрения ребенка, жизнь военных казалась мне привлекательной. И опять же солдат каждую неделю возили в кинотеатр на патристические фильмы. Я ездил с ними постоянно. Таким образом тоже попал под работу замполитов.

— Вам какие-то их идеи в голову запали?

— Их — вряд ли. Но мы до сих пор в минуты слабости смотрим «Служебный роман» и «Любовь и голуби». Наши любимые фильмы. Особенно когда приезжаем домой.

— Сложно привыкнуть к тому, что вся жизнь на колесах?

— Ну естественно. Получилось так, что мое поколение застало две эпохи. Успели пожить и в СССР, и в России. Я хорошо помню времена, когда мы были пионерами. И также хорошо помню момент, когда мы стали разгильдяями. В школе я состоял в свердловском отряде «Каравелла» — был такой юнкоровский отряд при журнале «Пионер». Я был, можно сказать, в элите пионерии. Но после восьмого класса, как только услышал рок-музыку, мне сразу стало не нужно ни военной карьеры, ни комсомола, ничего...

— Ну а в армии-то служили?

— Не довелось. Просто по разгильдяйству. Я на самом деле готовился поступать в

Суворовское училище. Но моя жизнь слишком радикально изменилась.

— Чем вам так нравилась профессия военных?

— Хотел защищать Родину. У меня ведь отец был военным. В детстве я постоянно околачивался в отцовской части. Видел бы солдат, ездил на учения. Конечно, с точки зрения ребенка, жизнь военных казалась мне привлекательной. И опять же солдат каждую неделю возили в кинотеатр на патристические фильмы. Я ездил с ними постоянно. Таким образом тоже попал под работу замполитов.

— Вам какие-то их идеи в голову запали?

— Их — вряд ли. Но мы до сих пор в минуты слабости смотрим «Служебный роман» и «Любовь и голуби». Наши любимые фильмы. Особенно когда приезжаем домой.

— Сложно привыкнуть к тому, что вся жизнь на колесах?

— Ну естественно. Получилось так, что мое поколение застало две эпохи. Успели пожить и в СССР, и в России. Я хорошо помню времена, когда мы были пионерами. И также хорошо помню момент, когда мы стали разгильдяями. В школе я состоял в свердловском отряде «Каравелла» — был такой юнкоровский отряд при журнале «Пионер». Я был, можно сказать, в элите пионерии. Но после восьмого класса, как только услышал рок-музыку, мне сразу стало не нужно ни военной карьеры, ни комсомола, ничего...

— Ну а в армии-то служили?

— Не довелось. Просто по разгильдяйству. Я на самом деле готовился поступать в

Суворовское училище. Но моя жизнь слишком радикально изменилась.

— Чем вам так нравилась профессия военных?

— Хотел защищать Родину. У меня ведь отец был военным. В детстве я постоянно околачивался в отцовской части. Видел бы солдат, ездил на учения. Конечно, с точки зрения ребенка, жизнь военных казалась мне привлекательной. И опять же солдат каждую неделю возили в кинотеатр на патристические фильмы. Я ездил с ними постоянно. Таким образом тоже попал под работу замполитов.

— Вам какие-то их идеи в голову запали?

— Их — вряд ли. Но мы до сих пор в минуты слабости смотрим «Служебный роман» и «Любовь и голуби». Наши любимые фильмы. Особенно когда приезжаем домой.

— Сложно привыкнуть к тому, что вся жизнь на колесах?

— Ну естественно. Получилось так, что мое поколение застало две эпохи. Успели пожить и в СССР, и в России. Я хорошо помню времена, когда мы были пионерами. И также хорошо помню момент, когда мы стали разгильдяями. В школе я состоял в свердловском отряде «Каравелла» — был такой юнкоровский отряд при журнале «Пионер». Я был, можно сказать, в элите пионерии. Но после восьмого класса, как только услышал рок-музыку, мне сразу стало не нужно ни военной карьеры, ни комсомола, ничего...

— Ну а в армии-то служили?

— Не довелось. Просто по разгильдяйству. Я на самом деле готовился поступать в

Суворовское училище. Но моя жизнь слишком радикально изменилась.

— Чем вам так нравилась профессия военных?

— Хотел защищать Родину. У меня ведь отец был военным. В детстве я постоянно околачивался в отцовской части. Видел бы солдат, ездил на учения. Конечно, с точки зрения ребенка, жизнь военных казалась мне привлекательной. И опять же солдат каждую неделю возили в кинотеатр на патристические фильмы. Я ездил с ними постоянно. Таким образом тоже попал под работу замполитов.

— Вам какие-то их идеи в голову запали?

— Их — вряд ли. Но мы до сих пор в минуты слабости смотрим «Служебный роман» и «Любовь и голуби». Наши любимые фильмы. Особенно когда приезжаем домой.

— Сложно привыкнуть к тому, что вся жизнь на колесах?

— Ну естественно. Получилось так, что мое поколение застало две эпохи. Успели пожить и в СССР, и в России. Я хорошо помню времена, когда мы были пионерами. И также хорошо помню момент, когда мы стали разгильдяями. В школе я состоял в свердловском отряде «Каравелла» — был такой юнкоровский отряд при журнале «Пионер». Я был, можно сказать, в элите пионерии. Но после восьмого класса, как только услышал рок-музыку, мне сразу стало не нужно ни военной карьеры, ни комсомола, ничего...

— Ну а в армии-то служили?

— Не довелось. Просто по разгильдяйству. Я на самом деле готовился поступать в

Суворовское училище. Но моя жизнь слишком радикально изменилась.

— Чем вам так нравилась профессия военных?

— Хотел защищать Родину. У меня ведь отец был военным. В детстве я постоянно околачивался в отцовской части. Видел бы солдат, ездил на учения. Конечно, с точки зрения ребенка, жизнь военных казалась мне привлекательной. И опять же солдат каждую неделю возили в кинотеатр на патристические фильмы. Я ездил с ними постоянно. Таким образом тоже попал под работу замполитов.

— Вам какие-то их идеи в голову запали?

— Их — вряд ли. Но мы до сих пор в минуты слабости смотрим «Служебный роман» и «Любовь и голуби». Наши любимые фильмы. Особенно когда приезжаем домой.

— Сложно привыкнуть к тому, что вся жизнь на колесах?

— Ну естественно. Получилось так, что мое поколение застало две эпохи. Успели пожить и в СССР, и в России. Я хорошо помню времена, когда мы были пионерами. И также хорошо помню момент, когда мы стали разгильдяями. В школе я состоял в свердловском отряде «Каравелла» — был такой юнкоровский отряд при журнале «Пионер». Я был, можно сказать, в элите пионерии. Но после восьмого класса, как только услышал рок-музыку, мне сразу стало не нужно ни военной карьеры, ни комсомола, ничего...

— Ну а в армии-то служили?

— Не довелось. Просто по разгильдяйству. Я на самом деле готовился поступать в

Суворовское училище. Но моя жизнь слишком радикально изменилась.

— Чем вам так нравилась профессия военных?

— Хотел защищать Родину. У меня ведь отец был военным. В детстве я постоянно околачивался в отцовской части. Видел бы солдат,